

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

Легитимность и сила

В. Г. ЛЕДЯЕВ

(НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ», Г. МОСКВА),

О. М. ЛЕДЯЕВА

(МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В либеральной традиции легитимность обычно рассматривается как результат более или менее осознанного и свободного выбора граждан. Однако проведенный в статье анализ позволяет заключить, что внешне добровольные практики подчинения субъектам политической власти нередко оказываются результатом скрытого осуществления власти в форме силы и принуждения.

При этом в настоящее время возрастает роль принуждения (угрозы силы) в континууме «сила-принуждение», скрытых (латентных) форм силы и принуждения и властных практик, опирающихся на так называемое правление предвиденных реакций. Эти практики реально ограничивают возможности выбора деятельности объекта, снижая вероятность возникновения альтернативных форм социальной организации и/или режима и стимулируя принятие сложившейся системы через повышение издержек и рисков в случае «неправильного» выбора. Тем самым политический авторитет принимается не (столько) в силу добровольного и осознанного выбора, а в результате отсутствия реальных альтернатив и/или давления.

Таким образом, процесс легитимизации власти в любом социуме является крайне сложным и запутанным; фактически имеют место довольно разные комбинации и конфигурации «легитимности», отражающие вариативность отношений в современном обществе.

Ключевые слова: легитимность, политический авторитет, власть, сила, принуждение.

Обычно легитимность и сила рассматриваются как принципиально разные и даже противоположные формы отношений в пространстве политики. При этом принято считать, что *сила и принуждение превалируют в авторитарных режимах*, тогда как в условиях демократии граждане воспринимают сложившиеся порядок и формальную властную иерархию как естественные, рациональные и *добровольно* принимают на себя обязанности подчиняться существующим законам и носителям властных полномочий.

Действительно ли власть в форме силы и принуждения¹ играет маргинальную роль в демократических странах, а режимы настолько отличаются друг от друга? Ответ на этот вопрос во многом обусловлен пониманием оснований социального порядка и единства современного социума.

Если принять предложенное Р. Дарендорфом различие между «консенсусной» и «конфликтной» моделями социума (Dahrendorf, 1959: 157–173)², то можно констатировать наличие двух разных интерпретаций роли силы в поддержании социального порядка. Сторонники первой модели акцентируют внимание на легитимном авторитете, основанном на (добровольном) принятии людьми социальных норм и готовности подчиняться легитимным институтам и структурам, отмечая его конституирующую роль в политическом процессе. Представители «конфликтного» подхода — второй модели — подчеркивают фундаментальную роль принуждения во властных отношениях.

Идея о том, что сила (угроза силы) является основной («реальной», единственной, конечной) формой власти, тогда как остальные формы имеют скорее иллюзорный характер, — имеет длительную историю в социальной мысли: «любят государей по личному усмотрению, боятся же по усмотрению государей» (Макиавелли, 1999: 78); «соглашения являются лишь словами и сотрясением воздуха и обладают силой обязать, сдерживать, ограничить и защитить человека лишь постольку, поскольку им приходит на помощь меч государства (Гоббс, 2001: 122); «любая политика — это борьба за власть; конечным видом власти является насилие» (Mills, 2000: 171). Многие современные исследователи также считают надежду на осознанное принятие индивидом социальных норм в силу их рациональности и обоснованности «отвратительной фантазией», поскольку без принуждения невозможно достижение согласия и поддержание его на протяжении длительного времени. «Это опасно, потому что поощряет правителей, добавляет моральную составляющую к жажде власти и убеждает граждан в необходимости подчинения требованиям и запретам, у которых нет разумных оснований... Это отвратительно, поскольку это неизбежно ограничивает плюрализм, индивидуальность и свободу» (Flathman, 1995: 531). Дж. Поджи акцентирует внимание на насильственных источниках социальной власти и рассматривает политическую власть как конституируемую и осуществляемую исключительно в контексте принудительных действий: «Власть становится политической... в силу того, что она в конечном счете опирается на... способность субъекта осуществлять принудительные санкции в случае неподчинения объекта его командам» (Poggi, 2001: 30). В его объяснении все формы политической власти предполагают принудительные санкции, а достижение повиновения — угрозу осуществления насилия.

Через призму принуждения (насилия) интерпретирует политику Р. Коллинз, для которого «государство — это прежде всего армия и полиция; и если они не будут иметь оружия, то не будет и государства в его классическом понимании» (Collins, 1975: 352). В отличие от предшествующих эпох, современное национальное государство фактически монополизирует средства насилия; оно представлено людьми, обладающими оружием и готовыми его использовать. Политика сегодня — это уже не столько непосредственное осуществление насилия, сколько маневры вокруг организации, которая контролирует средства принуждения (там же: 351–353). При этом представительство различных групп в органах государственного управления, плюрализм и дисперсии власти в современных либеральных демократиях еще не являются индикаторами снижения роли принуждения. Коллинз различает «власть поддержания порядка» (D-power: deference or order-giving power) и «эффективную власть» (E-power: efficacy power). Первая — более формальная и ритуальная; она формирует «культуру» межличностных отношений, но не гарантирует эффективность и в целом снижается. Вторая (например, власть транснациональных корпораций) — менее формаль-

ная, наоборот, становится более иерархичной, а результаты деятельности отдельных людей могут определять жизнь миллионов (там же: 284–288).

Таким образом, многие исследователи убеждены, что современные процессы и трансформации политической власти невозможно объяснить без анализа силовой (насильственной, принудительной) составляющей политики (Malešević, 2009: 282–284). Значимость силы и принуждения в социальных отношениях не может быть существенно снижена в силу того, что правители, в том числе и легитимные, *всегда будут опасаться эрозии своего («чистого») авторитета* и потому прибегать к принудительным практикам и в тех случаях, когда люди обязаны выполнить их команду (Ripstein, 2004). Желание (необходимость) прибегнуть к насилию будет иметь место до тех пор, пока не будет полной уверенности в том, что достижение целей возможно и без него. Но вряд ли это реально, по крайней мере в обозримом будущем; при этом неизбежные сомнения вызовут и неизбежные сбои в механизме ненасильственного поддержания социального порядка. «Поэтому у нас *всегда* будет частично насильственное общество» (McWilliams, 1970: 633–634, 639).

Тем не менее объем *прямых* репрессий и *открытого* насилия в стабильных (развитых, демократических) социумах в целом существенно ниже, чем в досовременных обществах³. Но снижение объема открытого конфликта и принуждения отнюдь не свидетельствует об исчезновении насилия как такового. По-видимому, можно говорить об изменении баланса открытого и скрытого (латентного) насилия в пользу последнего⁴. В терминах нашей классификации форм власти это возрастание роли (1) *принуждения (угрозы силы) в континууме «сила-принуждение»*, (2) *скрытых (латентных) форм силы и принуждения* и (3) *властных практик, опирающихся на так называемое првление предвиденных реакций*.

Притом, что сила и принуждение, как уже отмечалось ранее, часто (обычно) дополняют друг друга, некоторые их параметры заметно различаются. Во-первых, принуждение обычно не требует такого количества ресурсов, как использование силы, и в этом аспекте она более эффективна. Во-вторых, если *открытое*⁵ применение силы фактически свидетельствует о конфронтации субъекта и объекта и, следовательно, отсутствии легитимности (легитимного авторитета) у субъекта в его восприятии объектом, то (и это важно для нашего анализа) принуждение даже в его открытой (публичной) форме необязательно квалифицируется как нелегитимное: в некоторых ситуациях объект переходит Рубикон открытой конфронтации с субъектом только в процессе использования силы, а принуждение может оставлять шанс сохранить (внешние) атрибуты легитимности. В-третьих, жертвы открытого насилия (силы) в полной мере осознают, что их покорность зиждется на силе и страхе, а не на согласии, тогда как угрозы (принуждение) не всегда четко рефлектируются или рационализируются как недобровольное поведение. Таким образом, в контексте проблемы соотношения «насильственная власть/легитимная власть» сила и принуждение занимают различное положение: у принуждения больше шансов выглядеть в качестве естественной легитимной практики⁶. Тем самым *тенденция возрастания роли принуждения в континууме «сила-принуждение» усложняет анализ и оценку легитимности тех или иных форм власти и режимов*.

Трудности в оценке характера подчинения людей носителям формальной власти и меры (степени) легитимности режима еще более усиливаются в связи с *возрастанием роли скрытых (латентных) форм власти*. В практике применения различных форм власти тенденция к снижению открытых столкновений субъекта и объ-

екта и замещению открытой демонстрации силы скрытыми формами влияния имеет место в ситуациях, когда субъект обладает значительным перевесом в ресурсах над объектом, тем самым парализуя его (возможное) сопротивление. Напротив, открытая конфронтация вероятна в случае сопоставимости ресурсов субъекта и объекта и наличия у последнего (реальных) шансов на успех в случае столкновения; *объективное* отсутствие шансов⁷ (при сохранении конфликта интересов) делает сопротивление нерациональным. Тем самым значительное преимущество в объемах силовых ресурсов без непосредственного их использования поддерживает невыгодный объекту статус-кво. Объект отказывается от действий в защиту своих интересов, предвидя последствия альтернативного поведения. В данном случае правление предвиденных реакций⁸ ассоциируется с силой и принуждением⁹. Соответственно, изменение соотношения сил и уверенность объекта в неприменении силы субъектом могут принципиально изменить ситуацию. Например, успехи цветных революций на постсоветском пространстве были обусловлены, кроме всего прочего, тем обстоятельством, что в отличие от событий 1953 г. в Венгрии и 1968 г. в Чехословакии люди знали, что Советский Союз не пришлет танки для подавления выступлений (Clegg, Naugaard, 2009: 405).

Современная российская практика в этом ракурсе весьма показательна. По мере усиления административно-политической элиты необходимость в специальных акциях по устрашению снижается, что косвенно отражается в очевидном уменьшении количества *открытых* столкновений (конфликтов) с властью со стороны (потенциальных или актуальных) оппозиционеров (бизнес-групп, политической оппозиции, региональных элит и др.). Укрепление позиций федеральной административной элиты и рост ее независимости от других социальных групп и организаций проявляются в ее способности не реагировать (адекватно) на многие запросы, идущие из общества, ограничивая спектр проблем, подлежащих обсуждению и решению. Это наиболее заметно в сфере контроля за медиапотоками (где фактически осуществляется легитимация повестки дня), в «сертификации» Кремлем участников переговорных процессов, разделении их на «конструктивную» и «непримиримую» оппозицию, в выстраивании барьеров на пути (пока еще имеющих место) инициатив, направленных на ограничение бюрократического контроля в экономике, выравнивание доходов различных групп населения и т. д., а также в лишении оппозиционных групп реального доступа к телевидению и в «фильтровании» информации на государственных каналах (Ледяев, 2009: 78–80)¹⁰.

После публикаций американских политологов П. Бахраха и М. Баратца (Bachrach, Baratz, 1962; 1963) подобного рода практики стали обозначать «вторым лицом власти» или «непринятием решений». Строго говоря, «непринятие решений» не может быть отнесено непосредственно ни к одной из выделенных нами форм власти. Однако с точки зрения характера воздействия субъекта на объект оно, на наш взгляд, ближе всего именно к силе, поскольку, как и сила, обуславливает ограничение возможностей объекта (оппозиции), форматируя политическое пространство в интересах субъекта.

Таким образом, скрытые практики силы и принуждения, как реализуемые субъектом, так и в форме «правления предвиденных реакций», ограничивают возможности выбора деятельности объекта, снижая вероятность возникновения альтернативных формы социальной организации и/или режима и стимулируя принятие сложившейся системы через повышение издержек и рисков в случае «неправильного»

выбора. Тем самым политический авторитет принимается не (столько) в силу добровольного и осознанного выбора, а в результате отсутствия реальных альтернатив и/или давления.

В контексте нашего анализа легитимации и власти обозначенные практики свидетельствуют о том, что значительная доля внешне легитимных и опирающихся на заявленное добровольное согласие объекта подчиняться командам субъекта и принять принципы и правила поведения в определенном режиме *оказываются результатом скрытого осуществления власти в форме силы и принуждения*. Тем самым диапазон «настоящей» («чистой», «истинной», «аутентичной») легитимности оказывается существенно уже, чем можно было бы предположить исходя из отсутствия открытого конфликта и сопротивления.

Скрытые силовые практики имеют место в разных контекстах. Они не только сменяют чисто принудительные механизмы и формы подчинения (многие режимы изначально создавались в результате открытого незаконного/нелегитимного применения силы, но постепенно приобретали более респектабельный антураж, снижая долю открытого насилия), но и сопровождают их. Комбинации демонстративных репрессий и скрытых практик власти могут быть весьма эффективными, о чем, например, свидетельствует опыт СССР и многих стабильных авторитарных режимов. В странах с устойчивыми демократическими режимами эти практики менее видимы, но не менее реальны: многие люди, недовольные своим положением в существующей системе и/или считающие ее несправедливой, не верят в возможность ее изменения. Если неверие людей обусловлено потенциальными или актуальными угрозами, (реально) высокими издержками альтернативы, концентрацией силовых ресурсов в руках сторонников статус-кво и/или их скрытым давлением, то можно говорить (и об этом говорят сторонники критического подхода к объяснению легитимности и власти) об *искусственном консенсусе и внешней легитимности, сформировавшихся в результате соответствующих властных практик*.

Таким образом, процесс легитимация власти (режима) в любом социуме оказывается крайне сложным и запутанным, а персональные и рациональные аргументы акторов относительно обязанности (необходимости, целесообразности, рациональности) признания власти формируются под влиянием широкого комплекса властных практик и структур господства. Фактически могут иметь место довольно разные «легитимности», отражающие вариативность отношений в современном социуме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Власть в виде силы означает способность субъекта достичь желаемого результата в отношениях с объектом либо путем непосредственного воздействия на его тело или психику (применение оружия, физической силы, психотропных веществ и т. д.), либо с помощью ограничения его действий (заключение под стражу, сидячая забастовка). В принуждении источником подчинения объекта команде субъекта выступает угроза применения субъектом негативных санкций по отношению к объекту в случае отказа от повиновения, т. е. угроза силы или каких-либо иных мер воздействия (см.: Ледяев, 2000: 7–10).

² Хотя сегодня это различие представляется в определенной мере утратившим свою силу («дуализм»), тем не менее в чисто аналитическом ракурсе мы можем говорить о двух общих приоритетах и акцентах в объяснении социума, отражающих расхождения между исследователями относительно его конституирующих оснований.

³ При этом в силу появления новых технологий уничтожения число жертв массовых репрессий в XX в. по сравнению с предшествующими эпохами существенно возросло.

⁴ Как и власть, понятие «насилие» обычно трактуется достаточно широко и охватывает не только совершаемые действия, но и их потенциал, а также практики скрытого принуждения. Мы, как уже отмечалось ранее, предпочитаем понятия «сила» и «принуждение», которые, по нашему мнению, более четко представляют практики, ассоциирующиеся с насилием.

⁵ Это уточнение, как мы увидим далее, необходимо, поскольку некоторые (силовые) практики могут не восприниматься как показатель отсутствия легитимности.

⁶ У Ронга в его классификации форм власти фигурирует не принуждение, а принудительный авторитет (coercive authority); последний рассматривается как разновидность авторитета, который представляет собой «нетестированное принятие чужого суждения» (Wrong, 2002: 35). Тем самым характер и специфика данной формы власти у Ронга более схожи с иными формами авторитета (персональным, компетентным и др.), чем с силой.

⁷ Субъективное ощущение отсутствия шансов, как мы увидим далее, может быть и результатом манипуляций со стороны субъекта.

⁸ Термин «правление предвиденных реакций» (the rule of anticipated reactions) был впервые использован К. Фридрихом для объяснения тех случаев осуществления власти, где объект действует в соответствии с предполагаемыми намерениями субъекта, предвидя его реакции (Friedrich, 1937: 16–18).

⁹ В данной ситуации вряд ли возможно указать, какая именно форма власти — сила или принуждение — стала основанием «правления предвиденных реакций»; это тот случай, когда отделить силу и принуждение трудно даже аналитически. «Правление предвиденных реакций» не обязательно ассоциируется с силой и принуждением, но может опираться и на другие ресурсы и стать результатом, например, скрытого (латентного) осуществления побуждения с помощью, например, финансовых ресурсов.

¹⁰ Здесь, разумеется, имеют место и элементы других форм власти, в частности манипуляции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гоббс, Т. (2001) *Левиафан*. М. : Мысль. 478 с.
- Ледяев, В. Г. (2000) *Формы власти: типологический анализ* // Полис. № 2. С. 6–18.
- Макиавелли, Н. (1999) *Государь*. Минск : Современный литератор. 704 с.
- Bachrach, P., Baratz, M. S. (1962) Two Faces of Power // *American Political Science Review*. Vol. 56. No. 4. P. 947–952.
- Bachrach, P., Baratz, M. S. (1963) Decisions and Nondecisions: An Analytical Framework // *American Political Science Review*. Vol. 57. No. 3. P. 632–642.
- Clegg, S. R., Haugaard, M. (2009) *Discourse of Power* // *The Sage Handbook of Power* / ed. by Stewart R. Clegg and Mark Haugaard. L. : Sage. xii, 484 p. P. 400–466.
- Collins, R. (1975) *Conflict Sociology: Toward an Explanatory Science*. N. Y. : Academic Press. xi, 584 p.
- Dahrendorf, R. (1959) *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford, CA : Stanford University Press. 336 p.
- Flathman, R. (1995) *Legitimacy* // *A Companion to Contemporary Political Philosophy* / ed. by Robert E. Goodin. Oxford : Blackwell. xiii, 679 p. P. 527–533.
- Friedrich, C. (1937) *Constitutional Government and Politics: Nature and Development*. N. Y. : Harper and Brothers. xvi, 591 p.
- Malešević, S. (2009) *Collective Violence and Power* // *The Sage Handbook of Power* / ed. by S. R. Clegg and M. Haugaard. L. : Sage. xii, 484 p. P. 274–290.
- McWilliams, W. C. (1970) On Violence and Legitimacy // *The Yale Law Journal*. Vol. 79. No. 4. P. 623–646.
- Mills, C. W. (2000) *The Power Elite* / With a New Afterword by Alan Wolfe. N. Y. : Oxford University Press. 442 p.
- Poggi, G. (2001) *Forms of Power*. Cambridge : Polity Press ; Malden, MA : Blackwell Publishers. viii, 230 p.

Ripstein, A. (2004) *Authority and Coercion // Philosophy and Public Affairs*. Vol. 32. No. 1. P. 2–35.

Wrong, D. H. (2002) *Power: Its Forms, Bases, and Uses / With a New Introduction by the Author*. 3rd edition. New Brunswick, NJ : Transaction Publishers. xxviii, 326 p.

Дата поступления: 7.01.2014.

LEGITIMACY AND FORCE

V. G. LEDYAEV

(NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY — HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW),

O. M. LEDYAEVA

(MOSCOW STATE UNIVERSITY OF CIVIL ENGINEERING)

In the liberal tradition legitimacy (legal authority) is usually explained as an outcome of people's free and rational choice. However, our analysis allows us to conclude that quite often formally voluntary submission to political authority is based on particular forms of force and/or coercion.

The role of coercion (threat of force) in the “force-coercion” continuum and hidden forms of power basing on “the rule of anticipated reactions” is increasing. This limits the subject's choice thereby decreasing the likelihood of alternative forms of social organization (regime) and enforcing the acceptance of the existing order through the increasing of costs and risks in case of a “wrong” choice. Therefore, political authority is accepted not (so much) as the outcome of free and rational choice, but as a result of the absence of real alternatives.

Thus, the process of legitimization of power (regime) in any society is extremely complex; in fact, there are quite different combinations and configurations of “legitimacies”, reflecting a wide spectrum of relations in modern society.

Keywords: legitimacy, political authority, power, force, coercion.

REFERENCES

Hobbes, T. (2001) *Leviathan* [Leviathan]. Moscow, Mysl' Publ. 478 p. (In Russ.).

LedyaeV, V. G. (2000) *Formy vlasti: tipologicheskii analiz* [Forms of Power: A Typological Analysis]. *Polis*, no. 2, pp. 6–18. (In Russ.).

Machiavelli, N. (1999) *Gosudar'* [The Prince]. Minsk, Sovremenniy literator Publ. 704 p. (In Russ.).

Bachrach, P. and Baratz, M. S. (1962) Two Faces of Power. *American Political Science Review*, vol. 56, no. 4, pp. 947–952.

Bachrach, P. and Baratz, M. S. (1963) Decisions and Nondecisions: An Analytical Framework. *American Political Science Review*, vol. 57, no. 3, pp. 632–642.

Clegg, S. R. and Haugaard, M. (2009) Discourse of Power. In: *The Sage Handbook of Power* / ed. by Stewart R. Clegg and Mark Haugaard. London, Sage. xii, 484 p. Pp. 400–466.

Collins, R. (1975) *Conflict Sociology: Toward an Explanatory Science*. New York, Academic Press. xi, 584 p.

Dahrendorf, R. (1959) *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford, CA, Stanford University Press. 336 p.

Flathman, R. (1995) Legitimacy. In: *A Companion to Contemporary Political Philosophy* / ed. by Robert E. Goodin. Oxford, Blackwell. xiii, 679 p. Pp. 527–533.

Friedrich, C. (1937) *Constitutional Government and Politics: Nature and Development*. New York, Harper and Brothers. xvi, 591 p.

Maleševic, S. (2009) Collective Violence and Power. In: *The Sage Handbook of Power* / ed. by Stewart R. Clegg and Mark Haugaard. London, Sage. xii, 484 p. Pp. 274–290.

McWilliams, W. C. (1970) On Violence and Legitimacy. *The Yale Law Journal*, vol. 79, no. 4, pp. 623–646.

Mills, C. W. (2000) *The Power Elite* / With a New Afterword by Alan Wolfe. New York, Oxford University Press. 442 p.

Poggi, G. (2001) *Forms of Power*. Cambridge, Polity Press ; Malden, MA, Blackwell Publishers. viii, 230 p.

Ripstein, A. (2004) Authority and Coercion. *Philosophy and Public Affairs*, vol. 32, no. 1, pp. 2–35.

Wong, D. H. (2002) *Power: Its Forms, Bases, and Uses / With a New Introduction by the Author*. 3rd edition. New Brunswick, NJ : Transaction Publishers. xxviii, 326 p.

Submission date: 7.01.2014.

Ледяев Валерий Георгиевич — доктор философских наук, профессор кафедры анализа социальных институтов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. Тел.: +7 (499) 152-09-31. Эл. почта: valeri_ledyaev@mail.ru

Ледяева Ольга Михайловна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского государственного строительного университета. Адрес: 109263, Россия, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26. Тел.: +7 (495) 183-24-10. Эл. почта: valeri_ledyaev@mail.ru

Ledyaev Valeri Georgievich, Doctor of Science (philosophy), PhD (University of Manchester, Department of Government), professor of the Department of Analysis of Social Institutions, National Research University — Higher School of Economics. Postal address: 20 Myasnitskaya St., Moscow, Russian Federation, 101000. Tel.: +7 (499) 152-09-31. E-mail: valeri_ledyaev@mail.ru

Ledyaeva Olga Mikhailovna, Candidate of Science (philosophy), associate professor of the Philosophy Department, Moscow State University of Civil Engineering. Postal address: 26 Yaroslavskoe shosse, Moscow, Russian Federation, 109263. Tel.: +7 (495) 183-24-10. E-mail: valeri_ledyaev@mail.ru